Russ
v. 21
no. 4
467

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

4.

THE LIBRARY OF THE
DEC - 3 1970
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

Стр.

1. Письма В. А. **Жуковскаго** къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. Часть третья. 1842—1847. (Семейная жизнь.—Рожденіе дочери.—Значеніе самодержавія.—Кончина великой княгини Александры Николаевны.—Рожденіе сына.—Совѣты, какъ воспитывать великихъ князей.—Рейтерны.—Декабристы.—Кончина свояченицы).....

2. Разсказы и анекдоты про Петра Великаго..... 209

Стр.

3. Записки **Василья Александровича Нащокина**, генерала временъ Елисаветинскихъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Д. И. Языкова**..... 241

4. Бабушка Е. А. **Бибикова** (Изъ записокъ ея внучки)..... 352

5. Нѣсколько словъ о князѣ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ. Его внука **П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго**.. 361

Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.
(Іюль—Августъ 1817 года).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

БАБУШКА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БИБИКОВА.

(Изъ воспоминаній внучки).

I.

Въ Свѣтло-Христово Воскресенье насъ возили христосоваться съ бабушкою: она принимала насъ ласково и дарила прекрасныя яйца. По большимъ праздникамъ мы всегда у нея обѣдали; но мы не любили къ ней ѣздить: надо было сидѣть чинно, не шумѣть, что было очень трудно когда пріѣзжали двоюродные братья и сестры, и насъ было человѣкъ двѣнадцать дѣтей разнаго возраста. Когда, послѣ обѣда, насъ посылали играть въ парадныя комнаты, надо было придумывать особенныя, тихія игры, чтобы никакой звукъ не долеталъ изъ великолѣпныхъ залъ до спальной, гдѣ бабушка всегда сидѣла. Разъ мы, забывшись, расшумѣлись съ двоюродными братьями; вдругъ дверь отворилась, бабушка показалась на порогѣ: мы онѣмѣли мгновенно; каждый остался въ своей позѣ, кто съ поднятой рукой, кто съ розинутымъ ртомъ. Бабушка обвела насъ гнѣвнымъ взглядомъ, ничего не сказала и ушла,—но мы болѣе уже не шумѣли!

Бабушка родилась въ 1767 году; она была съ молоду одна изъ первыхъ Московскихъ красавицъ. Она не принадлежала къ такъ называемому высшему кругу общества, но была изъ хорошаго дворянскаго рода Чебышевыхъ. За нее сваталось много жениховъ, она имъ всѣмъ отказывала, и наконецъ отецъ ея, разсерженный разборчивостью балованной дочки, гнѣвно спросилъ ее: «Ужъ не ждешь ли ты Бибикова?»

Дѣдъ мой, Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, братъ Александра Ильича, (извѣстнаго полководца Екатерининскихъ временъ) былъ красавецъ собою, уменъ, богатъ и слылъ первымъ женихомъ въ городѣ. Екатерина Александровна Чебышева, небогатая дѣвушка, не могла надѣяться на такую блестящую партію, но красота—своего рода приданое. Гавріилъ Ильичъ влюбился въ молодую красавицу и взялъ ее, какъ говорится, въ одной рубашкѣ. Онъ былъ уже разъ женатъ на единственной дочери Твердышева и овдовѣлъ послѣ года. Сынъ, оставшійся отъ первой его жены, также вскорѣ умеръ. Старикъ Твердышевъ хотѣлъ все состо-

яніе передать зятю, но дѣдушка отказался и только послѣ убѣдительныхъ просьбъ тестя согласился принять законную седьмую часть*).

Приданое первой жены дѣдъ мой подарилъ невѣстѣ. По понятіямъ того времени, тутъ ничего не было оскорбительнаго для самолюбія второй жены; она приняла эти наряды съ благодарностью и носила ихъ съ удовольствіемъ. Бабушка была чрезвычайно счастлива выйти замужъ за великосвѣтскаго и знатнаго человѣка и легко вошла въ роль знатной барыни. Она гордилась высокимъ положеніемъ въ обществѣ, новымъ родствомъ, богатствомъ, именемъ и въ послѣдствіи, когда дѣлала выговоры старшему сыну, всегда прибавляла: «не забудь, что ты Бибиковъ!» Она и въ старости сохраняла тонкія черты, прекрасный профиль и величественный видъ; держала себя очень прямо, голову слегка закидывала назадъ, ходила на высокихъ каблукахъ, какъ въ первой молодости, но вовсе не занималась своимъ туалетомъ: я ее помню все въ томъ же тёмномъ шелковомъ капотѣ, волосы небрежно зачесанные назадъ, безъ чепчика, и все таки красавицей. Но въ молодости она любила наряжаться, считая это обязанностью своего общественнаго положенія. Матушка мнѣ разсказывала, что она, старшій братъ ея и старшая сестра, всегда присутствовали утромъ при туалетѣ матери. Когда она причесывалась, на ней была атласная, розовая кофта, обшитая point d'Alencon; она пудрилась, сидя передъ зеркаломъ; на колѣняхъ у нея была серебряная лоханка, куда сыпалась пудра.

Бабушка слыла примѣрною матерью, потому только что не разъѣзжала безпрестанно по гостямъ, какъ прочія женщины, и что трое старшинъ дѣтей часто были при ней; но младшія жили въ антресоляхъ, съ няньками и гувернантками, и рѣдко допускались къ матери. Въ сущности бабушка ни съ кѣмъ изъ дѣтей не занималась и была типомъ старинной Русской барыни со всею гордынею и всѣми предразсудками того вѣка. Она ничего не читала, иногда только рисовала или вышивала въ пяльцахъ, но не кончала своей работы и отдавала начатыя картины и шитье крѣпостнымъ дѣвушкамъ, которыя обязаны были ихъ кончать. У дѣдушки была многочисленная прислуга, какъ у всѣхъ баръ того времени: дочерей и сыновей лакеевъ, дворецкихъ, поваровъ, отдавали на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, рисованію и пр. Имъ давали Французскія прозвища, одного называли La Fleur, другаго La Tour, и т. д. Изъ нихъ составляли трупу актеровъ и танцовщицъ для домашняго

*) Огромное состояніе Твердышева перешло частью князьямъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ.

театра и балета. Старикъ Іогель, котораго вся Москва знала, былъ выписанъ дѣдушкою изъ Франціи, чтобы устроить въ его подмосковномъ имѣніи балетъ.

Дѣдъ мой былъ высоко образованъ, уменъ, много читалъ, провелъ въ молодости до женитьбы нѣсколько лѣтъ за границей, и былъ въ полномъ смыслѣ слова вельможа. Онъ занимался воспитаніемъ трехъ старшихъ дѣтей, особенно матери моей, и на ней сильно отразилось вліяніе отца. Къ несчастію семьи, онъ скончался въ 1803-мъ году, когда ей было только 15 лѣтъ; но при ней осталась умная Француженка, эмигрантка, изъ хорошей семьи, и она съ успѣхомъ продолжала начатое дѣло.

Бабушка овдовѣла 35 лѣтъ, еще въ полномъ блескѣ красоты, но осталась вѣрна памяти мужа, никогда не помышляла о второмъ бракѣ, держала себя безукоризненно и деспотически управляла своей большею семьею: у нея было 17 чел. дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать достигли совершеннаго возраста и почти всѣ были хороши собою.

Болѣе всѣхъ бабушка любила старшаго сына Павла: онъ былъ замѣчательно красивъ, по словамъ современниковъ и судя по портретамъ. Семи лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Екатериною II и носилъ гусарскій мундиръ своего полка. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, велѣлъ всѣхъ малолѣтнихъ офицеровъ вычеркнуть изъ списковъ, и къ великому огорченію бабушки съ ея любимца сняли мундиръ. Еще Великимъ Княземъ, Павелъ Петровичъ очень любилъ дѣдушку, который въ честь его назвалъ старшаго сына Павломъ; но, несмотря на милостивое приглашеніе Государя, онъ не рѣшился поступить вторично на службу, покинутую имъ еще при Екатеринѣ II, и предпочелъ мирное житье въ Москвѣ небезопасной службѣ при дворѣ. Страхъ внушаемый Государемъ былъ такъ великъ, что одна изъ родственницъ бабушки не выпускала 16-тилѣтняго сына изъ дома, боясь, чтобъ онъ не попался на глаза Государю и, не зная какъ занять мальчика, заставляла его по цѣлымъ днямъ вышивать въ пяльцахъ по канвѣ, при опущенныхъ сторахъ.

Извѣстно, что былъ указъ императора Павла, по которому всѣ дамы, ѣхавшія въ каретѣ, должны были, когда встрѣчали Государя на улицѣ, тотчасъ выходить изъ кареты, и, стоя на послѣдней изъ откинутыхъ ступенекъ, глубоко присѣдать, что нелегко было при тогдашнихъ высокихъ экипажахъ: ступенекъ бывало до пяти. Бабушка разсказывала, что одна изъ ея родственницъ ѣдетъ разъ по улицѣ и видитъ издали Государя; онъ шелъ по тротуару безъ свиты; кучеръ и лакеи не замѣчаютъ его. Барыня бросается къ окну, кричитъ: «Стой! стой!» Люди зазѣвались, не слышатъ. Несчастная женщина съ громкимъ воплемъ кричитъ: «Стой!... стой!... Государь!» Но люди

все не слышатъ и ѣдутъ мимо.... Императоръ былъ вѣроятно тронутъ ея блѣдностью и отчаяніемъ: онъ поднялъ руку и глухо, но явственно проговорилъ: «Tranquillisez-vous, madame, ce n'est rien! *»)
Если бы не милостивое расположеніе духа Государя, то барынѣ быть бы подъ арестомъ, но Государь не всегда былъ такъ мягокъ. Въ одну изъ его прогулокъ, противъ него останавливается карета; изъ нея выходитъ горбатая карлица и дѣлаетъ требуемый реверансъ. Государь вообразилъ, что эта дама ему на смѣхъ сѣла на ступенькѣ кареты, и закричалъ: «На три мѣсяца ее на гауптвахту!» Карлицу потащили. Вечеромъ одинъ изъ придворныхъ рѣшился объяснить Государю, что бѣдная женщина не виновата, что она карлица и изувѣчена, оттого что ее въ дѣтствѣ уронили.—А кто ее воспитывалъ? грозно спросилъ Государь.—Она сирота, воспитывалась у тётки...—Такъ тётку подъ арестъ, закричалъ Государь: не умѣла уберечь ребенка!

Дѣдушка умирая оставилъ все состояніе пожизненно женѣ: она имѣла право безотчетно пользоваться доходами, но недвижимое имущество ни продавать, ни закладывать. Добрые-же люди шепнули бабушкѣ, что, если-бы она могла располагать по своему усмотрѣнію имѣніемъ, дѣти были-бы гораздо почтительнѣе и покорнѣе со временемъ... Порѣшили и устроили: написали ей на имя императрицы Маріи Ѳеодоровны просьбу, гдѣ она говоритъ, что повергается къ стопамъ ея величества съ двѣнадцатью сиротами и умоляетъ дозволить уничтожить духовную покойнаго мужа, который будто-бы оставилъ столько долговъ, что изъ доходовъ уплатить ихъ нельзя, а необходимо продать часть имѣнья. А дѣдушка оставилъ пять тысячъ душъ незаложенныхъ, богатую подмосковную съ великолѣпными садами, оранжереями, озерами, и полный домъ въ Москвѣ. Императрица, ничего не подозрѣвая, ходатайствовала за бабушку у императора Александра Павловича; духовную уничтожили, часть имѣнія продали, а остальную часть бабушка раздѣлила какъ и кому хотѣла: кого больше любила, того больше и наградила. Повиновеніе родителямъ было до того безусловно, что въ послѣдствіи никто изъ сыновей не протестовалъ, а дочери и подавно; онѣ-же матери чрезвычайно боялись. Однажды матушка по приказанію бабушки, поѣхала въ магазины, разумѣется, въ каретѣ и въ 6 лошадей (богатые дворяне иначе не ѣздили въ началѣ нашего столѣтія); возвращаясь домой, она встрѣтила свою пріятельницу, Елисавету Евгеньевну Кашкину, которая останавливаетъ ея карету и кричитъ ей изъ окна: «я сейчасъ была у *татап*, она позволила тебѣ ѣхать со мною въ театръ; садись скорѣй со мной, поѣдемъ прямо

*) Успокойтесь, сударыня: ничего.

въ театръ, а то опоздаемъ». Обрадованная неожиданнымъ удовольствіемъ, матушка пересѣла въ карету подруги и поѣхала съ ней. Но, Боже мой! какая гроза ожидала ее по возвращеніи домой!—«Кто *вамъ* позволилъ ѣхать въ театръ?» спросила разгнѣванная бабушка.—Вы, maman. Вы Лизѣ сказали, что позволяете мнѣ ѣхать съ нею...—«Да, я Лизѣ сказала, а не *вамъ*; могли бы потрудиться мать спросить; но *вы* Вольтера начитались, мать ни во что не ставите, своимъ умомъ живете»... — И оскорбительныя слова полились обильнымъ потокомъ. Дочери безъ ея позволенія не смѣли, даже въ деревнѣ, идти въ садъ, а когда получали позволеніе, котораго рѣдко рѣшались просить, то не могли иначе выходить какъ со своими гувернантками и въ сопровожденіи двухъ лакеевъ въ ливреяхъ. Такая прогулка не могла нравиться молодымъ дѣвушкамъ, и онѣ ею пользовались раза два въ лѣто. Это воспитаніе оставило свои слѣды: матушка, вышедши замужъ за моего отца, всегда лѣтомъ жила въ деревнѣ, но никогда не выходила гулять, говоря: «je ne sais marcher que sur un parquet *). Бабушка и ея дочери выѣзжали не иначе какъ въ четвероместной каретѣ и цугомъ, т.-е. въ шесть лошадей и съ двумя лакеями на запяткахъ: съ тремя лакеями ѣздила одна вдовствующая Императр. Марія Ѳеодоровна, и поэтому издали можно было узнать ея экипажъ.

Въ 1812-мъ году, когда Москва опустѣла въ ожиданіи Французовъ, бабушка спаслась въ Нижній Новгородъ съ семью дочерьми, невѣсткою, женою старшаго сына, Павла, и младшимъ сыномъ, Александромъ, 15-ти лѣтъ, который умолялъ мать отпустить его въ дѣйствующую армію къ братьямъ, но она ни за что не согласилась, имѣя уже четверыхъ сыновей на войнѣ. Бабушка ѣхала, разумѣется, съ многочисленною прислугою, въ нѣсколькихъ каретахъ и бричкахъ, нанимая обывательскихъ лошадей. На одной станціи толпа крестьянъ окружила карету. «Не дадимъ лошадей», кричали они; «это господа бѣгутъ отъ Француза, а насъ посылаютъ драться, на вѣрную смерть!.. Пусть остаются здѣсь. Посмотримъ, какъ раздѣлаются сами!».. Бабушка помертвѣла, всѣ перепугались не на шутку; матушка одна не потеряла присутствія духа, опустила стекло и наклонилась изъ окна кареты.—Что вы толкуете! сказала она крестьянамъ, «развѣ не видите, что мы тутъ однѣ женщины?.. Гдѣ намъ воевать? У меня пять братьевъ, четверо на войнѣ, одинъ изъ нихъ уже тяжело раненъ, пятый здѣсь съ нами, взгляните на него, онъ еще ребенокъ, а рвется на войну; матушка насильно увезла его съ собою,—ужъ очень ей горько со всѣми сыновьями разстаться; тѣхъ убьютъ, хоть одинъ оста-

*) Умѣю ходить только по паркету.

нется ей на утѣшеніе въ старости. Оставьте насъ въ покоѣ, чего вамъ надо? Какая вамъ польза отъ насъ?... Не будьте хуже Французовъ и своихъ не обижайте».

Крестьяне переглянулись, сняли шапки. «Вѣстимо, братцы, одинъ женскій полъ», сказалъ кто-то изъ толпы; «одинъ только малолѣтокъ съ ними. «Что барынь тревожить. Ребята, пущай ихъ!» «Ну съ Богомъ!» закричали всѣ и стали помогать лошадей запрягать.

Пріѣхавъ въ Нижній, бабушка чрезъ нѣсколько времени получила извѣстіе, что любимый сынъ ея, Павелъ Гавриловичъ, убитъ подъ Вильною, а второй, Дмитрій Гавриловичъ тяжело, раненъ подъ Бородинымъ: ему руку оторвало *). Бабушка занемогла съ горя. Дочери поочередно ходили за ней день и ночь; она нескоро поправилась и долго тосковала по своемъ любимцѣ.

Въ губернскомъ городѣ матушкѣ и теткамъ жилось привольнѣе. Бабушка, погруженная въ горе, забывала свои строгости, и онѣ могли ходить гулять за городъ. Въ Нижній прибывали плѣнные Французы большими партіями. Однажды матушка съ сестрами, прогуливаясь за городомъ, увидала нѣсколько плѣнныхъ, сидящихъ на землѣ около рва: они ѣли какую-то жиденькую кашу съ черствымъ хлѣбомъ. Матушка подошла къ нимъ и сказала: «Vous faites un bien maigre repas?»— Hélas! oui, mademoiselle, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, mais pour l'assaisonner, je m'en vais cueillir une plante, qui s'appelle la patience! **»)

II.

Около тридцатаго года, когда я стала помнить бабушку, она, не смотря на свою многочисленную семью, жила одна въ собственномъ домѣ, на Пречистенкѣ ***). Кромѣ близкихъ родственниковъ никто у нея не бывалъ; но семья была такъ велика, что по праздникамъ за столъ у нея садилось человѣкъ 20 и болѣе. Прислуга у бабушки была также многочисленна какъ во всѣхъ большихъ домахъ того времени, прислуга почтительная, приличная, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Кушанья подавали на тяжелыхъ серебрянныхъ блюдахъ; серебро, фарфоръ, все было старинное; мебель, обои, драпировки не обновлялись со смерти дѣдушки, но все точно окаменѣло: позолота была такая-же яркая, обивка мебели такая же свѣжая.

---

*) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ былъ послѣ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ послѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

**) Вы не очень-то сладко ѣдите?—Увы, такъ, сударыня; но для приправы я собираю растеніе, которое зовутъ терпѣніемъ.

***) Нынѣ это домъ княгини Е. А. Голицыной, урож. Чертковой. П. Б.

Послѣ обѣда бабушка раскладывала пасьянсъ и слушала разсказы приживалокъ, которыхъ вездѣ было много. Я часто у нея видѣла простую торговку, прозванную Петровна, толстую, грязную, которая разыгрывала роль шутихи.

Ей позволялось садиться при бабушкѣ, которую она смѣшила и забавляла; она гадала на Псалтырѣ, раскрывая его на своей головѣ, толковала сны, врала всякій вздоръ и позволяла себѣ шутки не всегда приличныя; но ей все прощалось. Петровна, послѣ смерти бабушки, приносила къ намъ въ домъ разный товаръ. Матушка много у нея покупала; но разъ, не имѣя сдачи, она осталась должна матушкѣ гривенникъ, и съ тѣхъ поръ не показывалась больше.

Кромѣ Псалтыря я никакой книги у бабушки не помню; библіотеку дѣдушки она отдала, уже разрозненную, моей матери.

Съ такой обстановкой немудрено, что ей передавались на счетъ дѣтей и внуковъ всякія нелѣпыя сплетни, которыя черезъ нее, доходя до моей матери, ее крайне огорчали и возбуждали ея негодованіе. Не стану о нихъ говорить: они могли на мгновеніе огорчать сердце матери, но время отнимаетъ у нихъ всякое значеніе.

Бабушкѣ не нравилось, что насъ воспитывали очень просто, хотя учителей было много и занятія были самыя разнообразныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ пріучали къ хозяйству, не возили въ гости и никакихъ развлеченій не допускали. Матушка сама никуда не ѣздила, кромѣ къ бабушкѣ и изрѣдка къ двумъ своимъ пріятельницамъ.

Одна изъ нихъ, Елисавета Михайловна Мартынова, дала дѣтскій балъ и объявила матушкѣ, что если она меня и сестры не привезетъ, она не позволитъ безъ насъ танцовать и вечеръ совершенно разстроится. Бабушкѣ очень хотѣлось, чтобъ насъ хоть разъ показали въ свѣтъ. Сестрѣ было 14, мнѣ 10 лѣтъ, и она такъ пристала къ матушкѣ, что та уступила. «Ты держишь дѣтей слишкомъ просто», говорила бабушка, «никто ихъ не видитъ; точно ты ихъ воспитываешь чтобы на рынокъ посылать, или тебѣ совѣстно ихъ показать; посылаешь ихъ гулять безъ вуаля: такъ загорѣли, что до сихъ поръ загаръ не сошелъ! Вези ихъ на балъ, да принаряди хорошенько. А вы», прибавила она, обращаясь къ нашей гувернанткѣ, «смотрите, чтобы дѣвочекъ хорошенько причесали; надо послать за Глазовымъ: лучше его никто не причешетъ». Глазовъ былъ первымъ коафёромъ въ Москвѣ въ началѣ вѣка; когда въ 1830-мъ году его призвали причесать сестру и меня, ему было болѣе 70 лѣтъ.

Великій день наступилъ, мы были въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи. Глазовъ причесалъ сестру, завитую съ утра; длинные ея локоны падали до пояса и покрывали плечи. Онъ взялся за мою голову. У насъ у обѣихъ были хорошіе волосы, и матушка ими гордилась.

— Александра Васильевна, сказала матушка нашей гувернанткѣ, велите ему немного подрѣзать волосы Лизѣ, а потомъ завить, а то они ужъ слишкомъ длинны для ея лѣтъ; я же пойду одѣваться къ балу.

Александра Васильевна передала приказаніе парикмахеру, а сама взяла книгу и углубилась въ чтеніе Французскаго романа. Я сидѣла недвижимо. Черезъ полчаса матушка возвращается, вскрикиваетъ и, всплеснувъ руками, опускается на стулъ. Александра Васильевна поднимаетъ глаза и сильно конфузится: мои длинные, густые волосы лежали на полу и клочками покрывали простыню, въ которую меня завернули... Парикмахеръ оставилъ мнѣ волосы длиною на вершокъ.

— Что вы сдѣлали? воскликнула матушка, обращаясь къ гувернанткѣ, mais c'est un mal irréparable! *) Она была въ отчаяньи. Глазовъ оторопѣлъ, но прежде всѣхъ пришелъ въ себя.

— Не извольте безпокоиться, сказалъ онъ, все будетъ прекрасно!

Онъ завилъ мои волосы въ 150 папильотокъ, прижегъ ихъ щипцами, далъ остыть, снялъ бумажки и расчесавъ, сдѣлалъ мнѣ прическу въ видѣ курчаваго барашка. На балѣ моя прическа произвела фуроръ, какъ мнѣ разсказывали нѣсколько лѣтъ спустя; я же сама такъ была ошеломлена толпою, освѣщенною залою и оркестромъ, который заигралъ, когда мы вошли, что была какъ въ чаду и вовсе собой не занималась и не слыхала что̀ про меня говорили.

На другой день меня повезли къ бабушкѣ: что-то она скажетъ? Она улыбнулась и ласково потрепала меня по щекѣ.

Лѣтъ до семи-восьми, я очень любила бабушку, забавляла ее своею болтовнею, танцами и разными представленіями, въ которыхъ участвовали иногда сестра и старшій братъ. Бабушку особенно забавляло представленіе Андромеды: братъ привязывалъ меня къ стулу изображающему скалу; самъ въ ролѣ дракона надѣвалъ шубу на выворотъ и бросался на меня; а сестра, Тезей, въ мужской шляпѣ и драпированная шалью, избавляла меня. Но я этой именно комедіи не любила, потому что не на шутку боялась вывороченной шубы!

Выростая стала я очень застѣнчива и къ тому же прислушивалась къ неосторожнымъ разговорамъ окружающихъ меня. Матушка и тетка говорили про бабушку не очень стѣсняясь; гувернантки наши ея боялись (она съ ними гордо держалась), и онѣ шушукали и сплетничали про нее между собою, не подозрѣвая, что дѣтскія уши на сторожѣ. Мысли мои стали путаться; въ присутствіи бабушки мало по ма-

*) Это бѣда непоправимая.

ло мною сталъ овладѣвать какой-то неопредѣленный страхъ: что-то тѣснило мнѣ горло, я ни слова не могла выговорить, сидѣла какъ истуканъ. Все что окружало бабушку меня начало пугать: я боялась большихъ, пустыхъ комнатъ, особенно одной, гдѣ висѣло по стѣнамъ много старинныхъ гравюръ въ золотыхъ рамкахъ, и одна, представляющая видѣніе Гамлета, наводила на меня паническій страхъ. Я также начала бояться экономки бабушкиной, Аксиньи Яковлевны, чопорной старушки съ строгимъ лицомъ, всегда одѣтой въ темное шелковое платье съ плеча бабушки, старинной бѣлой шали съ пестрой каймой и въ накрахмаленномъ чепцѣ. Я видѣла эту женщину въ послѣдній разъ когда мнѣ минуло уже 15 лѣтъ; бабушки давно не было на свѣтѣ, и тогда даже, вспоминая дѣтскія впечатлѣнія, легкая дрожь пробѣжала по мнѣ...

Мнѣ тяжело признаваться, но когда бабушка скончалась, мнѣ стало легче: пока она жива была, при одной мысли о ней, меня давило какое-то тяжелое чувство. Надо прибавить, что бабушка рѣшительно не была виновата въ странномъ страхѣ внушаемомъ ей мнѣ: она всегда была очень ласкова со мной. Она такъ рѣдко выѣзжала, что ея посѣщеніе считалось эпохою въ нашей дѣтской жизни. Когда карета ея подъѣзжала къ нашему крыльцу, весь домъ приходилъ въ смятеніе: бросали уроки, какіе бы не были, и мы, всѣ четверо, братья сестра и я, бѣжали ей на встрѣчу и стояли за матушкинымъ кресломъ все время посѣщенія бабушки. А какъ она была хороша, принарядившись немного! Чепчикъ изъ бѣлой блонды такъ хорошо окаймлялъ ея правильныя черты, улыбка ея была такъ привѣтлива, видъ такъ величавъ! Бабушка умерла холерою въ Москвѣ въ 1834 году: никого изъ дѣтей, ни близкихъ родственниковъ не было при ней, мы были въ деревнѣ. Она скончалась на рукахъ крѣпостныхъ горничныхъ. Сыновья не пожелали оставить за собой ея до́ма: его продали забезцѣнокъ барону Розенъ. Лѣтъ 15 спустя, я была на балѣ у баронессы Розенъ и не безъ волненія вошла въ эти комнаты, гдѣ часто бывала въ дѣтствѣ. Нѣсколько гостиныхъ остались какъ были при бабушкѣ; но гравюры Гамлета уже не было, ни моего дѣтскаго страха также: я помнила только, какъ бабушка меня ласкала, и что-то въ родѣ угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ моей....

Варшава.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНЯЗѢ М. И. ГОЛЕНИЩЕВѢ-КУТУЗОВѢ-СМОЛЕНСКОМЪ.

Статья его внука П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго.

Храмъ Христу-Спасителю въ Москвѣ, этотъ многоцѣнный, народный памятникъ благочестія трехъ царствованій, воздвигнутъ въ благодарность Богу за спасеніе Москвы и Россіи отъ великаго западнаго нашествія. На внутреннихъ стѣнахъ великолѣпнаго сооруженія перечислены имена и подвиги защитниковъ отечества, и по этимъ надписямъ можно прослѣдить всю исторію 1812—1814 годовъ. Но историческая память возбуждаемая этимъ прекраснымъ храмомъ, въ особенности останавливается на человѣкѣ, котораго Жуковскій въ Бородинской пѣснѣ своей такъ вѣрно назвалъ „вождемъ спасенія“, который послѣ того, какъ совершено было такъ много всякихъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, вынесъ на плечахъ своихъ всю тяготу тогдашнихъ недоумѣній. Имени князя Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго подобаетъ въ наши дни особливый почетъ и благодарность. Мы увѣрены, что въ ново-освященномъ храмѣ, какъ въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ, будутъ учреждены на вѣчныя времена панихиды въ дни его рожденія и кончины.

Читатели съ удовольствіемъ прочтутъ нижеслѣдующую статью о немъ, написанную недавно скончавшимся (28 Февраля 1883) его внукомъ Павломъ Матвѣевичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Толстымъ. П. Б.

Передъ кончиной жизни моей я, носящій имя предка моего, князя Кутузова, желаю повторить еще разъ мое уже не первое удивленіе, какъ отнеслись нѣкоторые Русскіе историки, писавшіе про славную отечественную войну 1812 года, къ тому, котораго единодушный голосъ Русскаго народа справедливо назвалъ спасителемъ отечества нашего. Да, онъ не только спасъ Россію, но возвеличилъ славу Русскаго